

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 31

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1890–1900 гг.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М
31

ОБЪЕМНЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1954

СТЫДНО

В 1820-х годах семеновские офицеры, цвет тогдашней молодежи, большей частью масоны и впоследствии декабристы, решили не употреблять в своем полку телесного наказания, и, несмотря на тогдашние строгие требования фронтовой службы, полк и без употребления телесного наказания продолжал быть образцовым.

Один из ротных командиров Семеновского же полка, встретясь раз с Сергеем Ивановичем Муравьевым, одним из лучших
10 людей своего, да и всякого, времени, рассказал ему про одного из своих солдат, вора и пьяницу, говоря, что такого солдата ничем нельзя укротить, кроме розог. Сергей Муравьев не сошелся с ним и предложил взять этого солдата в свою роту.

Перевод состоялся, и переведенный солдат в первые же дни украл у товарища сапоги, пропил их и набуянил. Сергей Иванович собрал роту и, вызвав перед фронт солдата, сказал ему: «Ты знаешь, что у меня в роте не бьют и не секут, и тебя я не буду наказывать. За сапоги, украденные тобой, я заплачу свои деньги, но прошу тебя, не для себя, а для тебя самого,
20 подумать о своей жизни и изменить ее». И, сделав дружеское наставление солдату, Сергей Иванович отпустил его.

Солдат опять напился и подрался. И опять не наказали его, но только уговаривали: «Еще больше повредишь себе; если же ты исправишься, то тебе самому станет лучше. Поэтому прошу тебя больше не делать таких вещей».

Солдат был так поражен этим новым для него обращением, что совершенно изменился и стал образцовым солдатом.

Рассказывавший мне это брат Сергея Ивановича, Матвей Иванович, считавший, так же как и его брат и все лучшие

люди его времени, телесное наказание постыдным остатком варварства, позорным не столько для наказываемых, сколько для наказывающих, никогда не мог удержаться от слез умиления и восторга, когда говорил про это. И, слушая его, трудно было удержаться от того же.

Так смотрели на телесное наказание образованные русские люди 75 лет тому назад. И вот прошло 75 лет, и в наше время внуки этих людей заседают в качестве земских начальников в присутствиях и спокойно обсуждают вопросы о том, должно ли или не должно, и сколько ударов розгами должно дать 10 такому и такому-то взрослому человеку, часто отцу семейства, иногда деду. Самые же передовые из этих внуков в комитетах и земских собраниях составляют заявления, адреса и прошения о том, чтобы ввиду гигиенических и педагогических целей сечь не всех мужиков, людей крестьянского сословия, а только тех, которые не кончили курса в народных училищах.

Очевидно, перемена в среде так называемого высшего образованного сословия произошла огромная. Люди 20-х годов, считая телесное наказание позорным действием для себя, сумели уничтожить его в военной службе, где оно считалось необходи- 20 мым; люди нашего времени спокойно применяют его не над солдатами, а над всеми людьми одного из сословий русского народа и осторожно, политично, в комитетах и собраниях, со всякими оговорками и обходами, подают правительству адреса и прошения о том, что наказание розгами не соответствует требованиям гигиены и потому должно бы было быть ограничено, или что желательнее бы было, чтобы секли только тех крестьян, которые не кончили курса грамоты, или чтобы были уволены от сечения те крестьяне, которые подходят под манифест по случаю бракосочетания императора. 30

Очевидно, совершилась страшная перемена в среде так называемого высшего русского общества; и что удивительнее всего, — что эта перемена совершилась именно тогда, когда в том самом одном сословии, которое считается необходимым подвергать отвратительному, грубому и глупому истязанию сечения, в этом самом сословии совершилась за эти 75 лет, а в особенности за последние 35 лет со времени освобождения, такая же огромная перемена, но только в обратном направлении.

В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно 40

рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой.

Я слышал и читал про случаи самоубийства крестьян, приговоренных к розгам. И не могу не верить этому, потому что сам видел, как самый обыкновенный молодой крестьянин при одном упоминании на волостном суде о возможности совершения над ним телесного наказания побледнел как полотно и лишился голоса; видел также, как другой крестьянин, 40 лет, приговоренный к телесному наказанию, заплакал, когда на вопрос мой о том, исполнено ли решение суда, должен был ответить, что оно уже исполнено.

Знаю я тоже, как знакомый мне почтенный, пожилой крестьянин, приговоренный к розгам за то, что он, как обыкновенно, поругался с старостой, не обратив внимания на то, что староста был при знаке, был приведен в волостное правление и оттуда в сарай, в котором приводятся в исполнение наказания. Пришел сторож с розгами; крестьянину велено было раздеться.

— Пармен Ермилыч, ведь у меня сын женатый, — дрожа всем телом, сказал крестьянин, обращаясь к старшине. — Разве нельзя без этого? Ведь грех это.

— Начальство, Петрович... я бы рад, что делать? — отвечал смущенный старшина.

Петрович разделся и лег.

— Христос терпел и нам велел, — сказал он.

Как рассказывал мне присутствовавший писарь, у всех 30 тряслись руки, и все не смели смотреть в глаза друг другу, чувствуя, что они делают что-то ужасное. И вот этих-то людей считают необходимым и, вероятно, полезным для кого-то, как животных, — да и животных запрещают истязать, — сечь розгами.

Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и мно- 40 гочисленное.

Высшее правительство огромного христианского государства, 19 веков после Христа, ничего не могло придумать более полезного, умного и нравственного для противодействия нарушениям законов, как то, чтобы людей, нарушавших законы, взрослых и иногда старых людей, оголять, валить на пол и бить прутьями по заднице.¹

И люди нашего времени, считающие себя самыми передовыми, внуки тех людей, которые 75 лет тому назад уничтожили телесное наказание, теперь почтительнейше и совершенно серьезно просят господина министра и еще кого-то о том, чтобы поменьше сечь взрослых людей русского народа, потому что доктора находят, что это нездорово, не сечь тех, которые кончили курс, и избавить от сечения тех, которых должны сечь вскоре после бракосочетания императора. Мудрое же правительство глубокомысленно молчит на такие легкомысленные заявления или даже воспрещает их.

Но разве можно об этом просить? Разве может быть об этом вопрос? Ведь есть поступки, совершаются ли они частными людьми, или правительствами, про которые нельзя рассуждать хладнокровно, осуждая совершение этих поступков только при известных условиях. И сечение взрослых людей одного из сословий русского народа в наше время и среди нашего кроткого и христиански-просвещенного народа принадлежит к такого рода поступкам. Нельзя для прекращения такого преступления всех законов божеских и человеческих политично подъезжать к правительству со стороны гигиены, школьного образования или манифеста. Про такие дела можно или совсем не говорить, или говорить по существу дела и всегда с отвращением и ужасом. Ведь просить о том, чтобы не стегать по оголенным ягодицам только тех из людей крестьянского сословия, которые выучились грамоте, всё равно, что если бы, — где существовало наказание прелюбодейной жене, состоящее в том, чтобы, оголив эту женщину, водить ее по улицам, — просить о том, чтобы наказание это применять только к тем женщинам, которые не умеют вязать чулки или что-нибудь подобное.

Про такие дела нельзя «почтительнейше просить» и «повертаться к стопам» и т. п., такие дела можно и должно только

¹ И почему именно этот глупый, дикий прием причинения боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечи или какое-либо другое место тела, сжимать в тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное?

обличать. Обличать же такие дела должно потому, что дела эти, когда им придан вид законности, позорят всех нас, живущих в том государстве, в котором дела эти совершаются. Ведь если сечение крестьян — закон, то закон этот сделан и для меня, для обеспечения моего спокойствия и блага. А этого нельзя допустить. Не хочу и не могу я признавать того закона, который нарушает все законы божеские и человеческие, и не могу себя представить солидарным с теми, которые пишут и утверждают такие преступления под видом закона.

¹⁰ Если уже говорить про это безобразие, то можно говорить только одно: то, что закона такого не может быть, что никакие указы, зердала, печати и высочайшие повеления не сделают закона из преступления, а что, напротив, облечение в законную форму такого преступления (как то, что взрослые люди одного, только одного, лучшего сословия могут по воле другого, худшего сословия — дворянского и чиновничьего — подвергаться неприличному, дикому, отвратительному наказанию) доказывает лучше всего, что там, где такое мнимое узаконение преступления возможно, не существует никаких законов, а ²⁰ только дикий произвол грубой власти.

Если уже говорить про телесное наказание, совершаемое только над одним крестьянским сословием, то надо не отстаивать прав земского собрания или жаловаться на губернатора, опротестовавшего ходатайство о несечении грамотных, министру, а на министра сенату, а на сенат еще кому-то, как это предлагает тамбовское земство, а надо не переставая кричать, вопить о том, что такое применение дикого, переставшего уже употребляться для детей наказания к одному лучшему сословию русских людей есть позор для всех тех, кто, прямо или косвенно, ³⁰ участвуют в нем.

Петрович, который лег под розги, перекрестившись и сказав: «Христос терпел и нам велел», простил своих мучителей и после розог остался тем, чем был. Одно, что произвело в нем совершенное над ним истязание, это — презрение к той власти, которая может предписывать такие наказания. Но на многих молодых людей не только самое наказание, но часто одно признание того, что оно возможно, действует, понижая их нравственное чувство и возбуждая иногда отчаянность, иногда зверство. Но не тут еще главный вред этого безобразия. ⁴⁰ Главный вред — в душевном состоянии тех людей, которые устанавли-

вают, разрешают, предписывают это беззаконие, тех, которые пользуются им, как угрозой, и всех тех, которые живут в убеждении, что такое нарушение всякой справедливости и человечности необходимо для хорошей, правильной жизни. Какое страшное нравственное искажение должно происходить в умах и сердцах таких людей, часто молодых, которые, я сам слышал, с видом глубокомысленной практической мудрости говорят, что мужика нельзя не сечь и что для мужика это лучше.

Вот этих-то людей больше всего жалко за то озверение, в которое они впали и в котором коснеют.

10

И потому освобождение русского народа от развращающего влияния узаконенного преступления — со всех сторон дело огромной важности. И освобождение это произойдет не тогда, когда будут изъяты от телесного наказания кончившие курс, или еще какие-нибудь из крестьян, или даже все крестьяне, за исключением хотя бы одного, а только тогда, когда правящие классы признают свой грех и смиренно покаются в нем.

14 декабря 1895.

П Л А Н Ы И В А Р И А Н Т Ы

СТЫДНО

* № 1 (рук. № 1).

⟨ПОРУГАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА⟩ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗВЕРИНОМУ ОБРАЗУ

¹ Семеновский полк еще при Александре I считался образцовым полком по дисциплине. Люди доводились до требовавшего[ся] тогда машинообразного совершенства, и достигалось это тогда, 75 лет тому назад, без побоев, без телесного наказания.

В Семеновском полку тогда служил по истинному, уточненно-нравственно-христианскому образованию цвет тогдашнего общества. Это были все люди тогдашнего европейского образования, в котором звучали еще основные принципы большой французской революции и религиозного возбуждения, последовавшего за Наполеоновскими войнами. Большинство этих людей были масоны, верившие в будущность масонства и в обязательность для людей христианских истин.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол со слезами в голосе рассказывал мне случай, бывший с его братом Сергеем, одним из лучших людей не только своего, но и всякого, времени (повешенным Николаем I), во время его командования ротой Семеновского полка. Ротный командир, товарищ Муравьева, не разделявший убеждений Сергея Ивановича о том, что можно достигнуть всего, что только требуется от солдата, без побоев и розги, встретив С. Муравьева, жаловался ему на одного из своих солдат, б[удто] б[ыл] вора, пьяницу и буяна, говоря, что такого солдата ничем нельзя укротить, кроме розги. С. Муравьев предложил для опыта взять этого солдата в свою роту, утверждая, что он надеется укротить его без побой. Перевод состоялся, и переведенный солдат в первые же дни

¹ Зачеркнуто: В 1820 году, еще до знаменитой Семеновской истории когда полк был обвинен

украл у товарища его сапоги и пропил. Сергей Иванович собрал роту и, вызвав вора-солдата, сказал ему: «Ты знаешь, что у меня в роте не секут и не бьют палками, и тебя я не стану наказывать, за сапоги украденные я заплачу из своих денег, но я прошу тебя, не срами больше нашей роты, своих товарищей (и меня воровством и пьянством). Если ты еще раз сделаешь то же, я опять не буду наказывать тебя, но только опять буду при всей роте усовещивать тебя и просить о том, чтобы ты не делал этого. — Солдат этот, по рассказу Матвея Ивановича, был так поражен этим обращением, что совершенно изменился и стал образцовым солдатом. Рассказывая это, Матвей Иванович никогда не мог удерживаться от слез умиления.

Так смотрели на телесные наказания лучшие русские люди 75 лет тому назад.

Помню я, как раз после смерти отца, во время опеки, мы детьми, возвращаясь с прогулки в деревне, встретили Кузьму кучера, который с печальным лицом шел на гумно позади Андрея Иль[ина] прикащика. Когда кто-то из нас спросил, куда они идут, и прикащик отвечал, что он ведет Кузьму в ригу, чтобы там сечь его. Я помню тот ужас остолбенения, который охватил нас. Когда же в этот день вечером мы рассказали это воспитывавшей нас тетушке, она пришла не в меньший нашего ужас и жестоко упрекала нас за то, что мы не остановили этого и не сказали ей об этом.

Так в нашем доме смотрели на телесное наказание (как на что-то дикое, ужасное, несвойственное не только нравственным, но образованным людям).

Нас детей никогда не секли, и я описал в своем «Детстве» тот испытанный ужас, когда гувернер француз предложил высечь меня.

Так это было во время моего детства. Так же смотрели и во время моей молодости, около 50 лет тому назад, образованные люди на телесное наказание.

Б это время, около 40 лет тому назад, было уничтожено телесное наказание в армии. И тут, в это время, во время освобождения крестьян, вследствие борьбы партий и вследствие какого-то затмения, нашедшего на людей, было установлено законом сечение, и сечение не всех людей, но только ¹ одного сословия крестьян. Тогда мера эта, вероятно, как уступка противной свободе партии, прошла как-то незаметно. «Уж если освобождение от произвола и розги помещика, то пускай дастся право телесного наказания и то только крестьянам самим над собою». Так думали тогда люди человеческие, образованные, стоявшие за свободу. Но люди не человеческие, дикие, всегда стоящие за насилие, торжествовали и в продолжение 35 лет

¹ *Зачеркнуто*: одного, самого нравственного, благородного, полезного и многочисленного

не только поддерживали, но усиливали, узаконивали эту меру и довели ее до того, до чего она доведена теперь, до какого-то необходимого государственного закона, без которого невозможно существование общества.

Государственный закон о том, что из всех граждан русского государства то самое нравственное, полезное и самое многочисленное сословие, которым держится русская земля, которое всегда и до сих пор служило и служит образцом праведной жизни, что это сословие подлежит самому унижительному, позорному, дикому истязанию, которое только мог выдумать озверевший человек. И закон это[т] вошел в такую силу, так свыклись люди высшего, образованного сословия с этим законом и с этим поступком, что недавно, при учреждении земских начальников, молодые люди, считавшие себя гуманными и образованными, без стыда принимали и теперь принимают участие в заседании при зеркале и всех параферналиях суда о том, должно ли или не должно и сколько ударов прутом должно¹ дать по оголенной спине поваленного на землю крестьянина, часто отца семейства, отца взрослых детей и деда. Мало того, в высших правительственных учреждениях спокойно рассуждают о том, как, при каких условиях можно и каких нельзя сечь мужиков. Мало того, либеральные земцы и учреждения робко подают прошения, адреса о том, что может быть нездорово стегание по ягодицам или что нельзя [ли] ограничить стегание по ягодицам одним не кончившим курс в начальном училище или освободить подошедших под манифест. Об этом рассуждают и пишут в газетах, почтительнейше просит такое-то земство и такой-то комитет и такие-то врачи. Пусть читатель простит меня за грубое сравнение, но я не могу иначе выразить того, что я испытываю, я думаю и многие, читая такие рассуждения, как сравнив это с тем, чтобы люди рассуждали о том, что употреблявшееся наказание прелюбодейной жене, состоящее в том, чтобы, оголив эту жену, водить ее по улицам, чтобы люди рассуждали о том, что наказание такое следует ограничить, потому что оно нездорово и может вызвать простуду, или чтоб подвергать такому наказанию только женщин, не умеющих хорошо вязать чулки, или что по случаю бракосочетания государя императора следует освободить некоторых женщин от такого наказания. Разве не то же самое и в деле сечения? Но только хуже. Здесь хоть за большое преступление — за прелюбодеяние, а там за всё, за что вздумается судьям и земским начальникам; там хоть все подлежат наказанию, а здесь только те, которые носят как будто позорное звание крестьянина.

Есть поступки, дела, производятся ли они частными людьми или правительством, про которые нельзя рассуждать хладно-

¹ В подлиннике слово: должно написано дважды.

кровно, нельзя разбирать, как, при каких условиях, можно или нельзя сечь людей. Про сечение людей нам, в наше время и среди нашего кроткого христианского народа, имеющего такое органическое отвращение ко всякому телесному насилию, нельзя говорить хладнокровно и политически, подвезжая со стороны медицины, школьного образования или манифеста, — про такие дела можно говорить только с отвращением и ужасом, со слезами и дрожанием в голосе. Нам, русским людям, теперь, в 1895 году, 1800 лет после проповеди Христа,¹ серьезно и спокойно толковать об уменьшении сечения мужиков значит признаться в своем озверении. Одно, что только можно по отношению этого ужаса, это то, чтобы тем, которые призывают к какому-либо участию в таких делах, с ужасом и отвращением отбросить их от себя, с ужасом и отвращением отстраниться от людей, не только проповедующих это сечение, какие завелись теперь, но от всех тех людей, которые принимают какое-нибудь хоть косвенное участие в этом деле. И не почтительнейше просить и повергать к стопам правительства просьбы об ограничении сечения, а смело и откровенно указать правительству (его) заблуждение, в которое оно введено, и требовать от него уничтожения позорящего всех нас зверского учреждения.

Говорят: мужики не относятся к этому наказанию так, как мы. Кто говорит это? Я видел, как при одном упоминании на волостном суде о возможности постыдного наказания, самый рядовой молодой мужик побледнел, как смерть, и лишился голоса, как другой, над которым было² приговорен³ к этому наказанию. А когда я спросил его, исполнено ли, не мог выговорить, да и заплакал, — человек 40 лет, с бородой. Знаю я, что крестьяне в волости употребляют все средства к тому, чтобы избежать приведение к исполнению этого ужаса.

Года три тому назад в нашем уезде вступил новый председатель, и в волостное правление пришел приказ, — привести в исполнение все постановления правления. Надо было исполнять повеление строгого начальника. Знакомый мне почтенный мужик, приговоренный за обругание старосты 6 лет тому назад (6 лет не приводилось в исполнение постановление), явился в волость и его отвели в сарай. Бледный, с дрожащими мускулами щеки, он обратился к старшине: «Пармен Ермилыч, нельзя ли без этого?» — Нельзя, что делать! — Бледный, с стиснутыми зубами, мужик разделся. «Христос терпел и нам велел», сказал он и лег, и истязание совершилось.

¹ Зачеркнуто: 75 лет после декабристов

² Зач.: совершенно

³ В данной фразе неправильное согласование автором было оставлено по недосмотру.

И это, как мне говорят, делается для моего благополучия и обеспечения.

Так нельзя почтительнейше просить о том, чтобы этого не было, можно только кричать на весь мир, вопить о том, что это не может продолжаться совершаться, что этого не должно быть и что преступны все те, которые участвуют в этом, и еще более те, которые могут прекратить это и не прекращают.

Л. Толстой.

6 дек. 1895.

* № 2 (рук. № 2).

Самые же либеральные люди нашего времени подают прошения и адреса о том, что может быть нездорово стегание по ягодицам или что нельзя ли ограничить стегание по ягодицам одним не кончившим курс в начальном училище или освободить подошедших под манифест.

Но высшее правительство в своем олимпийском величии и мудрости торжественно молчит и ничем не отвечая на эти запросы, вероятно, признавая их плодом легкомыслия и необдуманности.¹

И надругательство над человечеством, поправление всех человеческих чувств и божеских законов продолжает совершаться во всей России.

Образованные передовые люди того времени считали, что можно достигнуть всего, не прибегая к розге, что самый низко павший человек может быть исправлен словом и добрым отношением к нему; образованные передовые люди нашего времени под видом санитарных и педагогических побуждений предлагают несколько ограничить употребление розог, сделать из розги побудительное оружие для грамоты.

Для блага нашего образованного общества необходимо подвергать одно из сословий, самое полезное, нравственное и многочисленное, позорному, поругающему человеческое достоинство наказанию. Передовые люди нашего времени под предлогом санитарных и педагогических целей желают упорядочения и ограничения этого страшного насилия.

Как далеко мы ушли от преданий 20-х годов декабристов и масонов, про которых рассказывал мне Мат. Ив. Мур[авьев]-Апостол....

Нам, русским людям, теперь, в 1895 году, 1800 лет после проповеди Христа и после тех идеалов человечности, заложенных в обществе 75 лет тому назад, серьезно и спокойно толковать о сечении мужиков значит признаться в своем озверении.

¹ Так эта фраза читается в рукописи.

Ведь о чем идет речь? О том, следует ли всякого человека из огромного крестьянского сословия за то, что он не исполнит какого-либо закона и будет присужден безграмотным судом виновным, и вина его подтвердится часто корыстным, пристрастным земским начальником, следует ли такого человека, притащив его в сарай, оголить и бить прутом по ягодицам или не следует этого делать? Разве можно нам в 1895 году говорить, писать, рассуждать про это?

* № 3 (рук. № 6).

Очевидно, это дикое наказание выбрано только потому, что люди, взявшиеся быть учителями других людей, по дикости своей сами недавно употребляли это наказание над своими детьми и бывшими рабами. И по этой своей дикости они пожелали употреблять это наказание и над тем сословием русского народа, трудами которого они живут и держится русское государство. И дикое наказание это введено было в закон.

КОММЕНТАРИИ

СТЫДНО

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Сельские учителя Каневского уезда Киевской губ. В. Ю. Шимановский, С. Т. Губернарчук и Д. Е. Гунько 22 апреля 1895 г. обратились с письмом к Толстому, в котором выражали свое возмущение по поводу применения телесных наказаний, «к людям крестьянского сословия».

Сообщая о том, что многие крестьяне после перенесенных телесных наказаний бросают село и семью и на многие годы уходят на сторону, где не знают о постигшем их несчастье, учителя просили Толстого сказать «свое могучее печатное слово» против подобного обращения с крестьянами.

Толстой ответил им 12 мая, что порка «уже давно до глубины души возмущает» его и их письмо «поощряет» его написать об этом (т. 68).

Толстой и прежде высказывался о телесных наказаниях («Отрочество», гл. XIV—XVII, т. 2; «Николай Палкин», т. 26, стр. 555—570; «Царство божие внутри вас», гл. XII, т. 28), но письмо учителей, судя по ответу Толстого, побудило его вновь вернуться к этому вопросу.

7 декабря 1895 г. Толстой отметил в Дневнике: «Вчера написал статейку о сечении. Лег спать днем и только забылся, как будто толкнул кто, поднялся и стал думать о сечении и написал» (т. 53, стр. 72). Эта запись свидетельствовала о написании Толстым черновой редакции статьи (см. описание рук. № 1).

Статья «о сечении» в окончательной редакции, судя по датам на рукописях, была написана не ранее 14 декабря, а вероятнее всего во второй половине декабря 1895 г. (см. описание рук. №№ 8 и 9).

В процессе работы статья имела ряд названий. В предпоследнем варианте она называлась «Декабристы и мы». В черновых рукописях, как и в окончательном тексте, Толстой противопоставляет современности героев восстания декабристов с их гуманными традициями и нравственными идеалами. Так, в рук. № 3 Толстой вспоминает, как Матвей Иванович Муравьев-Апостол, «один из последних декабристов», рассказывал ему: «В 20-х годах все они, цвет тогдашней образованной молодежи, служа в Семеновском полку, решили не осквернять себя употреблением телесного наказания и обходиться без него».

В 1895 г. под заглавием «Стыдно» статья впервые появилась в газете «Биржевые ведомости», в номере от 28 декабря (с датой: «14 декабря 1895 года»). По цензурным условиям статья была напечатана с большими пропусками и текстовыми искажениями.

Под тем же заглавием, но с еще большими сокращениями, статья была напечатана 31 декабря 1895 г. газетой «Русские ведомости».

В 1896 г. по тексту «Биржевых ведомостей» статья была перепечатана в «Книжках Недели», № 1, стр. 299—304. В 1903 г. в той же редакции она вошла в Собрание сочинений Толстого (М., изд. 11-е, часть 11-я, стр. 629—634), а в 1911 г. без всяких изменений была напечатана «Посредником».

Полностью статья была напечатана в Англии, в «Листках Свободного слова» 1899, № 4, стр. 1—5. В той же редакции в 1906 г. статья появилась в печати в издании редакции журнала «Всемирный вестник» («Серия не изданных в России сочинений графа Льва Николаевича Толстого», № 5, СПб.); а в 1911 г. — в Собрании сочинений Толстого (М., изд. 12-е, часть 16-я, стр. 185—191).

В настоящем издании текст статьи «Стыдно» печатается по изданию «Свободного слова» с исправлениями опечаток и ошибок переписчиков по рукописям.

В рук. № 9 (последней) у Толстого до исправления было:

«Один из ротных командиров Семеновского же полка, встретясь раз с Сергеем Ивановичем Муравьевым, одним из лучших людей своего, да и всякого, времени (повешенным Николаем I), рассказал ему».

В этой фразе слова: «повешенным Николаем I» Толстой зачеркнул (черным карандашом), повидимому, по цензурным соображениям. Однако печатаем эту фразу без слов, зачеркнутых Толстым, то есть в редакции, в которой была выражена последняя авторская воля (печ. текст, стр. 72, строка 9).

Принимаем поправки, внесенные в рук. № 9 рукою В. Г. Черткова, устраняющие ошибки переписчиков.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 6 лл. разного почтового формата и 1 л. развернутого почтового конверта. Черновая редакция статьи. Заглавие «Поругание человеческого достоинства» исправлено на: «Возвращение к звериному образу». На обороте последнего листа авторские подпись и дата: «Л. Толстой. 6 декабря 1895».

Печатается полностью в вариантах под № 1.

2. Машинописная копия с автографа, с поправками и дополнениями Толстого. 5 лл. F^o и 3 отрезка. Заглавие «Озверение русского общества». Начало: «80 лет тому назад». Конец: «могут прекратить это и не прекращают».

Извлекается вариант № 2.

3. Копия предыдущей рукописи рукою С. А. Толстой, с многочисленными авторскими исправлениями. 9 лл. 4° и 4 отрезка. Последовательные заглавия рукописи: «Озверение русского общества», «Странный вопрос»,

«Одичание». *Начало*: «(80 лет тому назад).» *Конец*: «могут прекратить и не прекращают его».

4. Копия предыдущей рукописи рукою С. А. Толстой с авторскими дополнениями и исправлениями. 12 лл. 4^о (1 л. склеенный) и 2 отрезка. Заглавие: «Одичание». *Начало*: «Декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол». *Конец*: «одно из самых гнусных преступлений».

5. Копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Толстой с поправками и вставками Толстого. 9 лл. 4^о, исписанных, кроме трех, с обеих сторон. Заглавие: «Декабристы и мы». *Начало*: «Декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол». *Конец*: «варварское подобие закона».

6. Копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Толстой с большими авторскими исправлениями. 15 лл. 4^о (1 л. чистый). Заглавие: «Декабристы и мы». *Начало*: «В 1820-х годах Семеновские офицеры». *Конец*: «позор участия в этом ужасном деле».

Извлекается вариант № 3.

7. Разрозненная копия соответствующих частей предыдущей рукописи рукою М. В. Сяськовой, с исправлениями Толстого. 3 лл. 4^о. *Начало*: «тобой я заплачу свои деньги». *Конец*: «попытался сделать в этой заметке. Л. Т.»).

8. Разрозненная копия соответствующих частей рук. №№ 6 и 7 рукою М. В. Сяськовой и М. Л. Толстой. 8 лл. 4^о. Авторские исправления значительны. На последнем листе — авторские подпись и дата: «14 декабря 1895». *Начало*: «В 1820-х годах Семеновские офицеры». *Конец*: «и смиренно покаются в нем».

9. Полная копия статьи рукою М. В. Сяськовой и М. Л. Толстой с поправками автора и В. Г. Черткова. 16 лл. 4^о, исписанных с одной стороны. На последнем листе подпись и дата: «Лев Толстой. 14 декабря 1895», перенесенные механически из предыдущей рукописи. Означенная дата не может свидетельствовать о времени работы Толстого над данной рукописью. Заглавие рукописи: «Декабристы и мы» рукою автора черным карандашом исправлено на заглавие: «Стыдно».